

УДК 9
DOI 10.21661/r-552769

Ю.Н. Кравцова

Формирование и развитие национальной системы образования на Кубани в 1920-1930-х гг. На примере украинских и адыгейских школ

Аннотация

В данной статье рассматриваются основные особенности процесса формирования и развития украинских и адыгейских национальных систем образования на Кубани в рамках общероссийской политики коренизации 1920–1930-х гг. Основное внимание уделяется разрешению главных проблем: внедрению изучения на родном языке, подготовке кадров, отношения местного населения, ход и итоги реализации намеченных планов, а также выявлению отличительных особенностей коренизации образования украинских и адыгейских районов.

■ **Ключевые слова:** образование, национальная школа, коренизация, украинизация, родной язык.

Iu.N. Kravtsova

Formation and Development of National Educational System in Kuban in 1920-1930 on the Example of Ukrainian and Adyghe Schools

Abstract

The present article analyzes basic peculiarities of the formation and development processes of Ukrainian and Adyghe national educational systems in Kuban under the all-Russian indigenization policy of 1920-1930. The resolution of such problems as: application of education in native language, personnel training, local attitude, the course and the results of aims set as well identification of distinctive feature of indigenization of education of Ukrainian and Adyghe districts.

■ **Keywords:** education, national school, indigenization, Ukrainization, native language.

Традиционно территория Кубани является многонациональным регионом. Здесь проживают русские, украинцы, адыги, татары, греки, немцы, а также многие другие народы. Все они обладают уникальным самосознанием и культурными особенностями. К сожалению, в первой половине XX в. многие представители нерусскоязычных народов плохо владели государственным языком из-за чего не могли в полной мере пользоваться всеми достижениями цивилизации. Подобная специфика региона оказала существенное влияние на различные аспекты жизни, в том числе и развитие системы советского образования.

Решение национально-языкового вопроса в образовательной системе Кубани 1920–1930-х гг. решалось в рамках общегосударственной политики «коренизации», подразумевающей радикальный переход от великороджавия к интернационализации всех институтов советского общества. При этом основная ставка делалась на увеличение самосознания нерусского населения. Основополагающим документом в системе образования стало постановление Народного комиссариата

просвещения РСФСР «О школах национальных меньшинств» от 31 октября 1918 г. В нем утверждалось, что все национальности, населяющие РСФСР, получают право организации обучения на своем родном языке. Распространение этого права на территорию современной Кубани и Адыгеи произошло с момента установления советской власти. Так уже 22 апреля 1920 г. КубаноЧерноморский ревком выпустил аналогичный документ [8].

Право нацименьшинств на обучение на родном языке осуществлялось посредством создания особых национальных школ, а при неимении такой возможности, формирования в образовательных учреждениях отдельных национальных групп (классов), обучаемых по программам национальных школ. Официальная делопроизводственная документация должна была вестись на соответствующих профильных языках.

Коренизация не ограничивалась сугубо языковым аспектом. В систему преподавания активно вводились предметы по краеведению, на котором изучались различные аспекты местной истории и народной

культуры. Кроме того, представители национальных меньшинств получили преференции при занятии руководящих мест, преподавательского состава, а также поступлении в образовательные учреждения.

Продвижению политики коренизации в образовательной сфере способствовали административно-государственные преобразования. В местах компактного проживания нерусского населения создавались особые национальные районы. На Кубани большинство из них принадлежало к числу украинских (преимущественно северные и западные районы). В левобережных районах рек Кубани и Лабы из адыгейских национальных районов была создана Адыгейская (Черкесская) Автономная область, а в Черноморском округе – Шапсугский национальный район. Кроме того, собственные национальные районы имели армяне и греки, менее малочисленные народы (например, ассирийцы) имели собственные Сельсоветы.

Политика коренизации на Кубани не была унифицированной и имела ряд региональных особенностей, определяемых местной этнической спецификой. В данной связи следует выделить несколько национально-языковых вариантов.

Первый из них имел место в районах компактного проживания украиноязычного населения и именовался в истории как «украинизация». Фактически он начался еще в годы Гражданской войны, под воздействием роста кубанского национализма, советская власть лишь продолжила наметившиеся тенденции. Украинский вариант коренизации имел наиболее масштабный характер, охвативший все уровни образовательной сферы от начального до высшего образования. Украинский язык становился базовым для обучения и делопроизводства во всех национальных учебных заведениях, а также обязательным или факультативным в других учебных заведениях. Повсеместно вводилось изучение краеведения (именовался «украиноведение»). Причем оно являлось обязательным не только в национальных школах, но и почти во всех ВУЗах и техникумах Кубани [1].

В осуществлении «украинизации» образования выделяется определенная эволюция методов. Первоначально (с 1920 по 1925 гг.) она проходила подготовительную стадию, для которой было характерна пропагандистско-рекомендательная поддержка «украинства». Затем с 1925 по 1928 гг. наблюдалось плавное усиление давления на местные власти, все шире стали применяться элементы принуждения. В 1928–1932 гг. «украинизация» приобрела сплошной характер, с доминированием жестких насилиственных методов. Однако в конце 1932 г. – 1933 г. произошло резкое свертывание политики «украинизации», а затем поспешная ликвидация ее результатов.

Для реализации «украинизации» образовательной системы в срочном порядке началась подготовка и переподготовка соответствующих (в первую очередь филологов) педагогов. Основной кузницей кадров стал педагогический техникум станицы Полтавской. Наиболее высококвалифицированные специалисты обучались на специальных «украинских отделениях» Краснодарско-

го педагогического института. Важное значение имел украинский техникум станицы Уманской. Здесь же организовывались краткосрочные курсы переподготовки и повышения квалификации педагогов. Кроме того, кубанским украинцам стали выделять особые места в видных ВУЗах Украины (в Киеве, Одессе, Днепропетровске, Харькове и Умани).

Будущих руководителей готовили на специальных украинских отделениях кубанского рабфака. В числе преподаваемых предметов особая роль отводилась изучению коммунистическому воспитанию, навыкам пропаганды (в том числе мастерству устной речи и доклада), также изучались некоторые аспекты традиционной культуры (например, народную песню). Интересно, что в учебную программу были включены труды украинского националиста-эмигранта петлюровской ориентации В.К. Винниченко, отказавшегося сотрудничать с большевистской партией [3].

Кроме подготовки кадров была осуществлена большая работа по созданию специальной педагогической литературы. Во второй половине 1920-х гг. на Кубани был издан и введен в обращение украинский букварь под названием «До науки». Активным выпуском учебников на украинском языке занималось Краснодарское книжное издательство.

В осуществлении украинизации наблюдалась масса перегибов. В разряд национальных школ нередко переводили все школы населенного пункта со смешанным населением. Широкое распространения получили фальсификации данных, необходимые приписки. В ведомственной школьной документации ученики различных национальностей нередко указывались как этнические украинцы [2]. Нередко учащиеся продолжали числиться в украинских школах, даже после их перехода в другие учебные заведения. Иногда в украинские техникумы записывали выпускников 8-х классов в принудительном порядке [3].

Что касается населения Кубани, то оно вопреки ожиданиям центрального правительства в большинстве довольно холодно встретило политику «украинизации», широкое распространение получила позиции пассивного сопротивления.

Многие руководители игнорировали вышестоящие поручения. По-настоящему массовое противодействие оказалось само население как иногороднее, так коренное казачество. Родители учащихся выступали против украинизации системы образования. Они считали преподавание на украинском языке «ненужной роскошью» и даже вредным явлением. Звучали высказывания, что их дети «портятся в украинской школе по приказу советской власти». На их взгляд русский язык являлся «более нужным» [2]. Наибольшее возмущение вызывали насилиственные действия. При наличии возможности родители переводили своих детей в другие учебные заведения, а при отсутствии таковой выступали за внедрение альтернативных программ и создания русских групп в украинских школах. Показательной является ситуация в станицах Пашковской и Корсунской, где в 1927/1928 учебных гг. в русские

школы записалось соответственно 114 и 12 детей, а в украинские – 14 и 10 детей [3]. А всего по данным исследователей в 1927 г. лишь 20% школьников, «числящихся украинцами», посещали украинские школы [2]. Бойкотирование прослеживалось и в среде учащихся, которые отказывались изучать украинский язык. Создаваемые «сверху» кружки по изучению украинского языка самоликвидировались в связи с непосещениями – «люди считали их напрасной тратой времени» [3].

Сопротивление политике «украинизации» среди местного населения имело противоречивый характер. Многие, выступая против «украинизации», в целом поддерживали политику «коренизации». Они стремились использовать ее для самореализации местной «самостийной» «кубанской» субкультуры. Показательными фактами являются некоторые протесты местного населения. Так ряд родительских собраний Уманского района Кубанского округа высказалось желание о преподавании в их национальных школах «родного кубанского языка, а не украинского». В Северском районе население высказывало мысль, что если и украинизировать школы, то «на нашем кубанском наречии, а не на чужом украинскогалицком» [5]. Здесь следует заметить, что особый «кубанский говор», сложившийся к началу XX в., представлял собой гармоничное переплетение русского и украинских языков на основе русской орфографии.

Еще одним противоречивым моментом является тот факт, что местное население вполне лояльно относилось к разговорному украинскому языку игнорировало его письменную форму. Так если в бытовых вопросах люди могли свободно общаться по-украински (или понимать его), то печатная литература на украинском языке оказывалась не востребованной. Переход на украинский язык сопровождался резким сокращением тиражей периодических [1].

Сопротивление населения значительно тормозило или вовсе срывало намеченные планы коренизации образования. В 1926 г. в Черномории было отложено открытие 25 украинских школ [3]. В некоторых случаях удавалось и вовсе нивелировать успехи «украинизации». В 1927 г. «учитывая категорические требования родителей» в Калнибоготской украинской школе «в исключительном порядке» было возвращено преподавание на русском языке. В том же году было по настоянию жителей при Варенковской школе была организована русская группа [2].

В качестве уступки следует отнести и имевшее место с конца 1920-х гг. обучение детей местной кубанской литературы не на классическом украинском языке, а на кубанском диалекте. При этом местные власти инспирирована компания по вытеснению из обихода украинской дореволюционной литературы [3].

Существенные помехи в реализации украинизации были связаны не только с сопротивлением местного населения, но и нехваткой материальных средств, квалифицированных кадров и учебной литературы на украинском языке. Примечательными были случаи, когда учебники на украинском языке выходили со

«скверным» переводом.

Несмотря на все просчеты и сопротивление со стороны населения политика «украинизации» образовательной системы Кубани имела значительный размах.

К 1932 г. в регионе действовало более 400 школ, где преподавание велось исключительно на украинском языке. Функционировали специальные научно-исследовательские центры и специальные учебные заведения, подготовившие тысячи педагогов. Десятками тысяч экземпляров было выпущено специальной учебной литературы, не говоря уже об активном развитии украинской составляющей в культурно-просветительских учреждениях: театре, радио, народных ансамблях, хоров, периодической печати.

Масштабы центростремительных сил, сопровождающихся ростом антисоветских националистических сил, серьезно обеспокоили центральные власти. Как следствие, в 1932/1933 гг. произошло свертывание политики украинизации, сопровождавшееся радикальными репрессиями преподавательского состава, массовым закрытием или реорганизацией национальных школ и отделений в ВУЗах, уничтожением делопроизводственной документации и вообще литературы на украинском языке. Уже к середине 1930-х гг. на Кубани практически не осталось материальных следов украинизации образовательной системы.

Особая разновидность коренизации на Кубани осуществлялась по отношению к адыгейскому населению. Если русские и украинцы являются родственными народами, принадлежащими к одной языковой группе со культурно-историческими традициями, то адыгейцы имеют уникальную самобытную культуру, говорят на языке коренным образом, отличающимся от славянских. Но самое главное в начале XX в. адыгейцы значительно уступали своим кубанским соседям в образовательной сфере. Число грамотных адыгейцев на момент в 1922 г. составляло всего 5% (для сравнения грамотность русского населения

Адыгейской автономной области была на уровне 15%) [8]. И это не удивительно ведь накануне революции на территории Адыгеи было всего 12 светских школ, причем преподавание в них велось исключительно на русском языке [9]. Не имели адыги и устоявшейся системы письменности.

Поэтому хоть советская власть и объявила конечной целью коренизации возможность прохождения всех ступеней образования на родных языках, но в 1920–1930-х гг. в отношении адыгейского населения она ставила гораздо скромные цели, чем украинизация. Насущными проблемами образовательной сферы тогда являлось элементарное повышение грамотности и сохранение уникальной самобытной культуры.

Одной из первостепенных задач было создание эффективной системы письменности. Еще до революции на основе арабской графики было составлено несколько вариантов адыгейского алфавита. Но все они не могли в полной мере учсть особенности адыгейского языка и к тому же усложняли издательскую и образовательную деятельность. Поэтому в начале 1920-х гг. началась раз-

работка более совершенных алфавитов. В 1927 г. сначала был принят вариант на основе латинской, а затем в 1937 г. кириллической графики. Авторами обоих типов были крупнейший советский лингвист-кавказовед Н. Ф. Яковлев и адыгейский исследователь Д.А. Ашхамаф.

Проблема создания адыгейской письменности создавала дополнительные трудности в языковой сфере. В национальных школах шла постоянная смена базового языка. Постепенно сложилась ситуация, когда обучение в начальных классах проходила исключительно на адыгейском языке. Русский язык начинал изучаться со второго класса и в средней школе становился базовым для изучения всех предметов. Начиная с середины 1920-х гг., по мере подготовки специальных программ, адыгейский язык постепенно вытеснял русский как базовый для изучения отдельных предметов. До 1927 г. особую роль играл арабский язык, который активно изучался и являлся обязательным в духовных школах – медресе. Кроме того, он изучался и в начальных классах светских школ вплоть до 10 лет [8].

Большой проблемой была подготовка педагогов. На момент открытия национальных школ оказалось, что практически полностью отсутствуют светские учителя, владеющие адыгейским языком и особенно письменностью.

Учитывая нехватку кадров, высокую степень безграмотности населения, а также местные религиозные особенности адыгейцев, советская власть в первое десятилетие становления системы национального образования пошла на ряд уступок. В разрез с политикой борьбы с религией и закрытием церковно-приходских школ, в мусульманских регионах, к которым принадлежала Адыгея разрешалось «по желанию верующих» и при некоторых оговорках сохранять (вплоть до 1927 г.) духовные медресе. Более того лицам «бывшего духовного звания» разрешалось преподавать в светских школах, а при отсутствии учебников для распространения грамотности использовать Коран (до 1930 г.) [4].

Но эффективно решить кадровую проблему могли лишь квалифицированные светские специалисты. С этой целью в 1920-х гг. были организованы регулярные краткосрочные курсы по подготовке и переподготовке педагогов начальной школы (двумесечные для адыгейских и двухнедельные для русских учителей). Главными центрами стали специализированный Адыгейский педагогический техникум и Краснодарский педагогический институт. В последнем было создано отделение адыгейского языка и литературы [9]. Тем не менее подготовка кадров шла очень медленно. Так в 1926 г. в Адыгее насчитывалось всего 107 учителей, обучавших детей на родном языке [9]. В 1936 г. из 813 преподавателей области 326 являлись адыгейцами [7].

Большие трудности возникали с наличием учебной и вообще литературы на адыгейском языке. Первоначально их печатали исключительно в Москве. Лишь в 1925 г. в Екатеринодаре появилось Адыгейское национальное книжное издательство, способное выполнять подобные спецзаказы [6]. Это значительно облегчило подготовку новых учебников. К концу 1930-х гг. удалось подготовить до 117 учебных пособий [7]. Уже к 1928 г. был накоплен солидный фонд в

49 600 экземпляров учебной литературы [8]. Но здесь следует учесть постоянную смену вариантов адыгейского алфавита, что приводила к обесцениванию накопленных материалов и необходимости замены учебной литературы.

В соответствии с целями коренизации в адыгейских образовательных учреждениях происходило активное внедрение родного языка в образовательную сферу. Но фактически в 1920–1930-х гг. он был введен лишь в начальных и средних школах, а также ремесленных и иных профессиональных училищах среднего уровня. Ограничением было внедрение предмета краеведения. По факту им всерьез занимались исключительно научно-исследовательские центры, которые в 1920–1930-х гг. лишь создавали источниковую базу: собирали и перерабатывали народный фольклор, писали историю родного края и народа. Преподавание краеведения в школах носило скорее импровизированный характер, определяемый знаниями отдельных педагогов.

В то время как в украинских школах ощущалась проблема недоборов, то в адыгейских сложилась иная ситуация. На протяжении 1920-х – начала 1930-гг. количество желающих учиться было гораздо выше количества мест в учебных заведениях, отчего имела место практика отказа в приеме детей. При этом хоть строительство национальных школ в Адыгее превосходило по темпам обычные, но адыгейское население было в большей изоляции от системы образования. Показательны цифры статистики. Если в 1924/1925 учебном году было охвачено обучением 26% адыгейских и 48% русских детей, то в 1925/1926 году обучалось уже 38% адыгейских и 50% русских детей [4]. Полностью ликвидировать задел в необходимых потребностях удалось лишь к 1932 г.

Значительные трудности в развитии образования оказывали консервативные патриархальные устои. Наиболее значительным было сопротивлению по доступу к обучению грамоте женскому населению. Согласно переписи 1920 г. грамотность среди адыгейских женщин – составляла всего 1,64%, причем ни одна из них не имела среднего образования [4]. Проблему вызывали традиции шариата и адата, где участие женщин в общественных работах и в особенности учеба якобы являлась большим грехом. В противовес советским властям развернули широкомасштабные пропагандистские акции по ликвидации подобных пережитков прошлого. Создавались специальные кружки рукоделия, клубы горянок, двухнедельники по охране материнства и другие общественные объединения, где проводилась пропаганда необходимости получения хорошего образования. Велась разъяснительная работа с родителями. Постепенно удалось преодолеть пережитки прошлого и количество девочек неуклонно росло. Более того женщины становились учителями для взрослого населения. Так в 1930-х гг. на двухмесечных курсах было подготовлено 124 «черкешенки» [9].

Чтобы повысить эффективность учебного процесса советские власти начали активную работу по реорганизации открытых школ в школы закрытого типа с интернатами. В результате дети оказывались вырван-

ными из патриархальной монокультурной среды и лучше усваивали новые знания.

Несмотря на все трудности коренизация адыгейской школы достигла значительных результатов. К 1933 г. удалось завершить процесс ликвидации безграмотности, формирования всеобщего образования, практически полностью решить проблемы помещений и нехватки квалифицированных кадров. Адыгейский язык был распространен на систему начального и среднего образования.

Политика коренизации системы образования, отчавшая чаяниям адыгейского народа и не вызывающая серьезные конфликты с представителями других этносов, в целом была благосклонно воспринята большинством населения региона. Советская власть была довольна подобными итогами, поэтому свертывания общероссийской политики коренизации практически не сказалось на Адыгее. В дальнейшем была продолжена поддержка национальной системы образования, но уже в рамках политики унификации с общегосударственными стандартами. Оценивая общие итоги коренизации системы образования на Кубани следует заключить, что она имела как негативные, так и позитивные последствия. С одной стороны, она сыграла важную роль в развитии

самосознания коренных народов Кубани, способствовала ликвидации безграмотности, помогла сохранить и развить самобытные культуры. С другой стороны политика коренизации во многом ограничила людей вобретении новых званий и возможностей. Ведь базовое изучение родного языка в школах не позволяло углубленно проникнуться во все тонкости русского языка – языка межнационального общения, науки и государственного делопроизводства. Выпускники национальных школ ставились с трудностями усвоения учебного материала, сдачи экзаменов (особенно в ВУЗах), а в дальнейшем с эффективным применением полученных знаний в трудовой практике в условиях многонационального взаимодействия.

При этом следует заметить, что наиболее плодотворная коренизация оказалась в отношении развития национального адыгейского образования, где она удачно вписалась в исторические реалии и развитие самобытной культуры. Коренизация же украинских районов Кубани, напротив сыграла скорее пагубную роль, так как противодействовала многовековым традициям естественного взаимодействия русского и украинского этносов, их гармоничной ассимиляции.

Литература

1. Иванцов И.Г. Мова в районном масштабе: украинизация Кубани 1922–1932 годов / И.Г. Иванцов // Родина. – 2008. – №9. – С. 77–80.
2. Васильев И.Ю. Украинизация Кубани / И.Ю. Васильев // Новая газета Кубани. – 2011. – №2 (1608). – С. 19.
3. Васильев И.Ю. Украинское национальное движение на Кубани и украинизация на Кубани 1917–1932 гг. / И.Ю. Васильев [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://history.wikireading.ru/335519>
4. Волобуева Н.А. Становление системы начального образования на Кубани в период с 1917 по 1934 годы: дис. ... канд. ист. наук / Н.А. Волобуева. – Майкоп, 2002. – 173 с.
5. Дроздов К.С. Украинский язык и особенности его преподавания в школах РСФСР в период проведения политики украинизации 1920–1930-гг. / К.С. Дроздов // Славянский альманах 2017. – № 3–4. – М.: Индрик, 2017. – С. 294–314.
6. Очерки истории Адыгеи: Советский период / Гл. ред. Г.П. Иванов. – Майкоп: Адыг. отд. Краснод. кн. изд-ва, 1981. – 368 с.
7. Чуяко А.Б. Из истории просвещения и образования адыгов XIX – 40-х гг. XX века / А.Б. Чуяко // Вестник науки. – № 1 (25). – Майкоп: Изд-во «Магарин О.Г.», 2011. – С. 254–267.
8. Чуяко А.Б. Развитие образования в Адыгее. Факты, документы, события, иллюстрации на материалах адыгейских школ / А.Б. Чуяко. – Майкоп: Адыг. resp. kn. изд-во, 2011. – 208 с.
9. Намитоков Ю.К. Развитие школьного образования в Адыгейской автономной области / Ю.К. Намитоков; сост. Ф.Ф. Советкин, Н.В. Талдин // Национальные школы РСФСР за 40 лет. – М., 1958. – С. 225–241.

References

1. Ivantsov, I. G. (2008). Mova v raionnom masshtabe: ukrainizatsiia Kubani 1922-1932 godov. Rodina, 9, 77-80.
2. Vasil'ev, I. Iu. (2011). Ukrainizatsiia Kubani. Novaia gazeta Kubani, 2 (1608), 19.
3. Vasil'ev, I. Iu. Ukrainskoe natsional'noe dvizhenie na Kubani i ukrainizatsiia na Kubani 1917-1932 gg. Retrieved from <https://history.wikireading.ru/335519>
4. Volobueva, N. A. (2002). Stanovlenie sistemy nachal'nogo obrazovaniia na Kubani v period s 1917 po 1934 gody., 173. Maikop.
5. Drozdzov, K. S. (2017). Ukrainskii iazyk i osobennosti ego prepodavaniia v shkolakh RSFSR v period provedeniiia politiki ukrainizatsii 1920-1930-gg. Slavianskii al'manakh 2017. - 3-4, 294-314. M.: Indrik
6. Ivanov, G. P. (1981). Ocherki istorii Adygei: Sovetskii period., 368. Maikop: Adyg. otd. Krasnod. kn. izd-va.
7. Chuiako, A. B. (2011). Iz istorii prosveshcheniia i obrazovaniia adygov XIX. Vestnik nauki, 1 (25), 254-267. Maikop: Izd-vo "Magarin O.G.".
8. Chuiako, A. B. (2011). Razvitiie obrazovaniia v Adygee. Fakty, dokumenty, sobytia, illiustratsii na materialakh adygeiskikh shkol., 208. Maikop: Adyg. resp. kn. izd-vo.
9. Namitokov, Iu. K., Sovetkin, F. F., & Taldin, N. V. (1958). Razvitiie shkol'nogo obrazovaniia v Adygeiskoi avtonomnoi oblasti. Natsional'nye shkoly RSFSR za 40 let, 225-241. Namitokov; M.